

А.В. Кузьмин

«СУВЕРЕНИЗАЦИОННАЯ» ТЕРМИНОЛОГИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОТ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ К ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Андрей Владимирович Кузьмин – зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт, экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: ak78rus@gmail.com.

В статье рассмотрена проблема использования «суверенизационной» терминологии (категории и понятия, производные от термина «суверенитет») федеральным законодателем. Утверждается, что понятия «суверенитет», «государственный суверенитет» не формулируют нормативно, а лишь аксиоматично используют в необходимых законодателю контекстах, что препятствует реализации принципа правовой определенности. Автор приходит к выводу о том, что в процессе терминологического определения содержания суверенитета Конституция РФ представляет собой акт, фактически дезавуирующий любые нормы, и принятые ранее, и такие, которые могут быть приняты в будущем. В статье структурировано использование термина «суверенитет» в федеральных законах, в зависимости от смысловой нагрузки, которую вкладывает законодатель при формулировании соответствующей правовой нормы.

Ключевые слова: суверенитет; суверенизация права; правовая определенность; национальное право; суверенизационная терминология; юридический факт.

A.V. Kuzmin

«SOVEREIGNIZATIONAL» TERMINOLOGY IN FEDERAL LEGISLATION: FROM NORMATIVE ENSHRINING TO LEGAL CERTAINTY

Andrey Kuzmin – Head, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: ak78rus@gmail.com.

The article discusses problematic issues of using «sovereignizational» terminology (categories and concepts – derivatives of the term «sovereignty») by federal legislators. It is alleged that such terms as «sovereignty», «state sovereignty» are not formulated normatively but are used axiomatically in the contexts necessary for legislators what prevents implementation of the legal certainty principle. The author concludes that while defining terminologically the concept of sovereignty the Constitution of the Russian Federation represents an act which actually disavows any norms both previously adopted and those which may be adopted in the future. The article structurizes the use of the term «sovereignty» in the federal laws focusing on the semantic load the legislator means while formulating the relevant legal norm.

Keywords: sovereignty; sovereignty of law; legal certainty; national law; sovereignizational terminology; legal fact.

В условиях формирования современного миропорядка вопрос о нормативном правовом закреплении суверенности государств занимает одно из ведущих мест в юридической науке и практике. Многополярность мироустройства, уникальность и самобытность государствообразующей нации, способность фильтровать действия и намерения международных организаций по критерию соответствия национальным интересам, возможность противостоять внешним и внутренним вызовам – вот далеко не полный перечень причин, актуализирующих изучение и практическую реализацию суверенитета как теоретического признака и практической характеристики современного государства.

Термин «суверенитет» используют в юридической науке и законодательстве, как правило, для четкого и однозначного закрепления полномочий и декларирования независимости государства. Данный термин служит для указания на то, что государство вправе самостоятельно принимать решения, осуществлять законодательную и исполнительную власть, обеспечивать безопасность и благосостояние граждан, а также защищать свою территориальную целостность и неприкосновенность. Использование термина «суверенитет» в законах помогает юридически закрепить и признать права государства, его политическую независимость, а также обособить сферу деятельности ряда субъектов права.

При этом наблюдается определенный диссонанс в юридическом закреплении «суверенизационной» терминологии. Легальное восприятие дефиниции «суверенитет» не отражено в федеральном законодательстве. Понятия «суверенитет», «государственный суверенитет» не формулируют нормативно, а лишь аксиоматично используют в необходимых законодательных контекстах. Это в некоторой степени препятствует реализации принципа правовой определенности, поскольку терминологическая неопределенность рано или поздно приводит к необходимости толкования того или иного термина. Если речь идет о системообразующей терминологии,

то проблема может из исключительно правоприменительной перерасти в политическую.

Как справедливо утверждает М.В. Глигич-Золотарева, необходимым выглядит внедрение в право «наиболее совершенных, эффективно работающих правовых конструктов. Преодоление кризисных явлений конституционализма следует начинать с указания в конституционном тексте на конкретные цели и ценности, которые лягут в основу государственной идеологии. Что же касается базовых конституционных терминов, то необходимо их более четкое определение, исключающее множественные толкования. Нужно определиться с тем, какие смыслы вложены сегодня в основные конституционные дефиниции и насколько они соответствуют общегосударственного целеполагания» [9, с. 99]. Кроме того, «в концептуальном плане, учитывая периодически изменяющуюся геополитическую ситуацию, не только содержательная сторона государственного суверенитета нуждается в уточнении, но особенно конкретизации заслуживает механизм укрепления суверенитета. Современным странам стоит своевременно выявлять и устранять совокупность факторов, нацеленных на десоверенизацию данного государства и формировать правовые гарантии для укрепления суверенитета» [8, с. 415].

Рассматривая суверенитет в классическом смысле, то есть как свойство государства быть независимым от внешних акторов и обеспечивать верховенство при решении внутригосударственных вопросов, следует указать параметры юрисдикции функциональной значимости суверенитета как государствообразующего фактора. Представляется, что для отражения функциональности государственного суверенитета в системе источников права подлежат юридическому закреплению, во-первых, нормы-декларации о наличии у государства суверенитета; во-вторых, регулятивные нормы, устанавливающие основные правила и параметры суверенности государства в качестве сферы деятельности государственных органов и

должностных лиц; в-третьих, охранительные нормы, устанавливающие процедуры и механизмы обеспечения государственного суверенитета.

Сделаем оговорку относительно методологии, используемой в рамках настоящей статьи. Логика формирования конструкта «суверенизационной» терминологии фундаментом категориального аппарата в данной сфере требует считать нормативный правовой акт, обладающий на территории государства высшей юридической силой, то есть Конституцию Российской Федерации. Однако система нового отечественного права начала формироваться еще в период существования права РСФСР как составной части Союза ССР. Тем не менее до конца 80-х гг. XX века вряд ли оправданным выглядит восприятие права РСФСР как самостоятельной и независимой системы. Отправной точкой оформления суверенности системы российского права следует считать Закон РСФСР от 24 октября 1990 г. № 263-1 «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», который в ч. 2 ст. 1 установил, что «Верховный Совет РСФСР или соответственно Совет Министров РСФСР вправе приостановить действие указанных в настоящей статье актов, если они нарушают суверенитет Российской Федерации». Таким образом, термин «суверенитет» практически впервые в отечественном законодательстве фигурирует в качестве критерия, отграничивающего акты, не нарушающие суверенитет, от актов, суверенитет нарушающих.

Завершает (конституирует) ввод термина «суверенитет» в правовую систему РФ Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Именно она положила начало формированию российского законодательства как независимой и самостоятельной системы (в отличие от права РСФСР как союзной республики в составе СССР).

Играя особую роль в терминологическом введении наполненной современным смыслом категории «суверенитет», Дек-

ларация оперирует исследуемым понятием и как качество прав «всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик» («РСФСР», «союзных республик и Союза ССР»); и как предмет правового регулирования нормативного правового акта – «провозглашает государственный суверенитет»; и как характеристика государства – «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами»; и как содержательный признак государства и условие государственности – «Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции»; и как объект обладания субъектом права – «Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ»; и как фактор целеполагания – «Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах».

12 декабря 1993 г. на всенародном голосовании принята Конституция РФ, положения которой демонстрируют прежде всего абсолютизацию национального суверенитета, возможность государства устанавливать от имени «многонационального народа» любую систему правового регулирования, основанную на Конституции РФ. В этом смысле в процессе терминологического определения содержания суверенитета Конституция РФ представляет собой акт, фактически дезавуирующий любые нормы, и принятые ранее, и такие, которые могут быть приняты в будущем. Иными словами, Декларация о государственном суверенитете РСФСР, формально сохраняя юридическую силу, оказалась в подчиненном относительно Конституции РФ положении. В этой связи вряд ли можно согласиться с позицией

М. Кумма, который считает возможным ограничить учредительную власть, сформулировав «тринитарную формулу конституционализма» (diefreiheitlich-demokratische Grundordnung – либерально-демократический базовый порядок). И то, что он считает проявлением волюнтаризма, наоборот, представляется актуальным и логичным в современных геополитических условиях: «конституционная власть может принять решение о создании любого закона, который она сочтет нужным... После того, как конституционная власть создала конституцию, конституция может действовать без ссылок на какие-либо нормы, лежащие в ее основе за пределами действия учредительной власти, создавшей его» [13, р. 710–711]. Именно закрепление в Конституции РФ оснований, содержания и выражения суверенитета позволяет сформировать исключительно национально ориентированную правовую систему, в рамках которой государство имеет возможность фильтровать применение наднациональных норм исходя из соответствия собственным государственным интересам. Исходя из того, что «обладатель-распорядитель суверенитета всегда должен быть один» [11, с. 62], именно закреплением неделимости суверенитета определяется в итоге степень суверенизации государства и права: «чем выше самостоятельность и независимость в принятии государственно-властных решений регулятивного характера, тем выше уровень государственного (и, следовательно, правового) суверенитета» [12, с. 40].

Итак, Конституция РФ должна выступать и выступает системообразующим элементом отечественной правовой системы (системы законодательства, системы источников права), оставляя Декларации о государственном суверенитете роль временного (1991–1993) ядра отечественного суверенного законодательства. Наиболее ярко это проявилось именно в отношении юридического закрепления «суверенизационной» терминологии.

Исходя из факта верховенства Конституции РФ в системе источников национального права, основной объем системообразующих конструкций государст-

венного суверенитета норм закреплен в Основном законе государства. Термин «суверенитет» и производные от него слова упоминаются в Конституции РФ девять раз.

В преамбуле «возрождение суверенной государственности России» отражено в качестве одного из обстоятельств, послуживших для «многонационального народа Российской Федерации» основой конституционного строительства в России. В ч. 1 ст. 3 констатируется, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В ч. 1 ст. 4 отражено, что «суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». В ч. 2 ст. 67 декларируется обладание РФ «суверенными правами», а в ч. 2.1 этой статьи «защита своего суверенитета» относится к сфере, обеспечиваемой РФ.

Часть 2 ст. 80 Конституции РФ относит в числе прочих к компетенции Президента РФ обязанность принимать «меры по охране суверенитета Российской Федерации». Часть 1 ст. 82 включает в текст присяги Президента РФ обещание «защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу». Пункт ж) ст. 83 относит к полномочиям Президента РФ формирование Совета Безопасности РФ. В качестве цели данного государственного органа закреплено «содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам... охраны суверенитета Российской Федерации...».

В разделе втором – «Заключительные и переходные положения» – содержится положение о приоритете Конституции РФ над договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральной властью и «органами государственной власти суверенных республик». Фактически определен принцип разрешения возможного юридического конфликта «суверенитетов».

Следующим уровнем системы федеральных источников российского права – федеральными конституционными законами – термин «суверенитет» использован

как в качестве содержательного параметра, то есть в форме указания на сферу деятельности органа государственной власти – Правительства РФ, которое «осуществляет меры по защите суверенитета» [1], так и в качестве сущностного признака понятия – «агрессией против Российской Федерации признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета...»; «актами агрессии против Российской Федерации могут признаваться также другие акты применения вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета...» [2]. Вряд ли следует подвергать содержательному анализу вариант использования термина в качестве слова, отраженного в названии нормативных правовых актов, выступающих одним из оснований принятия федерального конституционного закона, то есть в Декларациях о независимости и суверенитете Херсонской и Запорожской областей и в Декларациях о суверенитете ДНР и ЛНР. Данные Декларации отражают основания принятия Федеральных конституционных законов от 4 октября 2023 г. (№ 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ и № 8-ФКЗ) о принятии в состав РФ новых субъектов.

Наибольший объем терминологического использования законодателем исследуемого понятия приходится на уровень федеральных законов. Это вызвано и предметной сферой законодательного регулирования, и значительной долей именно федеральных законов в структуре данного уровня системы законодательства.

Использование термина «суверенитет» в федеральных законах можно структурировать, в зависимости от смысловой нагрузки, которую вкладывает законодатель при формулировании соответствующей правовой нормы.

1. Сфера отношений.

Активно категорию «суверенитет» использует законодатель в качестве обозначения сферы отношений, входящей в качестве объекта деятельности различных субъектов, и организаций, и должностных лиц. Так, в ст. 13 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопас-

ности» дублируется положение п. ж) ст. 83 Конституции РФ о содействии «главе государства в реализации его полномочий по вопросам... охраны суверенитета Российской Федерации...» как одной из предметных сфер деятельности данного государственного органа. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «к полномочиям федеральных органов государственной власти в области внешнеторговой деятельности относится <...> защита экономического суверенитета».

Другим примером выступает включение той или иной стороны суверенитета в сферу деятельности государственных органов, должностных лиц и иных субъектов права. Для этого в федеральных законах закреплено указание на связь служебной функции соответствующего субъекта с суверенитетом. Например, содержатся такие обороты, как «лицам, принимающим по долгу службы решения, затрагивающие вопросы суверенитета...» [4]; «лицам, замещающим (занимающим) <...> должности <...> в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, осуществление полномочий по которым предусматривает участие в подготовке решений, затрагивающих вопросы суверенитета...» [5]. Статья 1 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 186-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» устанавливает в качестве служебной функции посла обеспечение «дипломатическими и международно-правовыми средствами <...> защиту национальных интересов, суверенитета...». Обратим внимание на содержание в присяге сотрудника таможенного органа в качестве одного из принимаемых сотрудником обязательств клятвы «защищать экономический суверенитет» [7], а также на направ-

ленность деятельности военнослужащего на защиту государственного суверенитета, что составляет «существо воинского долга» [6].

Относительно негосударственных субъектов можно привести в качестве примера характеристики экономически значимой организации, установленные в ст. 2 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями»: «Под экономически значимой организацией для целей настоящего Федерального закона понимается имеющее существенное значение для обеспечения экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации российское хозяйственное общество, включенное в утверждаемый Правительством Российской Федерации перечень экономически значимых организаций и удовлетворяющее следующим условиям...».

2. Цель (принятия закона, деятельности, результата деятельности).

В ряде законов суверенитет указан в качестве одного из элементов цели принятия закона. Так, Закон РСФСР от 31 октября 1990 г. 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» принят «в целях защиты экономической основы суверенитета РСФСР...», а Закон РСФСР от 24 октября 1990 г. № 263-1 «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР» – «в целях защиты суверенитета Российской Федерации». Целью Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ (в ред. от 28 июня 2022 г.) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» является «защита суверенитета» от действия конкретных субъектов международного права – недружественных государств.

Наряду с целью принятия закона, обеспечение и охрана суверенитета выступает целями, на достижение которых направлена деятельность или результат деятельности. Так, охрана суверенитета

РФ выступает в качестве одной из целей международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, на что указывает положение, закрепленное в п. 1) ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) «О безопасности». Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 643-ФЗ [3] внесено изменение в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», ст. 10.1 которого устанавливает целью создания Государственной информационной системы в области генетической информации «Национальная база генетической информации» обеспечение «суверенитета в сфере хранения и использования генетических данных...».

3. Основание принятия.

В ряде законов суверенитет выступает одним из оснований принятия. Так, преамбула Основ законодательства РФ о культуре, утвержденных Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. от 10 июля 2023 г.), констатирует, что Верховный Совет РФ принимает Основы законодательства о культуре, «отмечая неразрывную связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета Российской Федерации».

4. Свойство (признак) государства.

Констатация обладания суверенитетом как свойства (признака) государства законодатель использует в качестве уточняющего обстоятельства. Например, Федеральный закон от 26 ноября 2002 г. № 149-ФЗ «О ратификации Конвенции между Российской Федерацией и Королевством Норвегия об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал» содержит уточняющую норму: «Под термином "Свальбард" понимается архипелаг Шпицберген, в отношении которого Королевство Норвегия обладает суверенитетом в силу Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года». Так, ч. 1 ст. 1 Воздушного кодекса РФ от 19 марта 1997 г.

№ 60-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) устанавливает, что «Российская Федерация обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации», ст. 1 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. от 29 мая 2023 г.) «О Государственной границе Российской Федерации» определяет государственную границу как «пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации», а ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 161-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере пользования недрами в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» устанавливает в качестве очевидного факта осуществления РФ суверенитета и суверенных прав в отношении пользования недрами на «участках недр, расположенных в Черном и Азовском морях».

5. Определяемое понятие и признак понятия.

Статья 5 Основ законодательства РФ о культуре, утвержденных Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. от 10 июля 2023 г.), определяет самостоятельность реализации РФ на своей территории соглашений и иных актов, регулирующих «отношения Российской Федерации в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями» в качестве расшифровки содержания суверенитета РФ в области культуры.

Защита суверенитета закреплена в качестве одного из признаков политической деятельности в ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»: «Под политической деятельностью понимается деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ конституционного строя Российской Федерации, федеративного устройства Российской Федерации,

защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития Российской Федерации, развития политической системы, деятельности органов публичной власти, законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики, формирование органов публичной власти, их решения и действия».

6. Принцип деятельности.

Как принцип, которым руководствуется государство, термин суверенитет упоминается в ст. 2 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. от 29 мая 2023 г.) «О Государственной границе Российской Федерации»: «Российская Федерация <...> руководствуется принципами: <...> взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ...». В п. 4) ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» «распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию» выступает принципом деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте РФ.

7. Содержание суверенитета.

В содержание «порядка осуществления своего государственного суверенитета» Федеральный закон от 4 мая 2000 г. № 56-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» включает выход РФ из этого Договора в случае возникновения «исключительных обстоятельств». Аналогичное положение содержится в тексте Федерального закона от 27 мая 2000 г. № 72-ФЗ «О ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний».

8. Оговорка.

Варианты отмежевания от признания суверенитета иностранного государства демонстрируют два федеральных закона о ратификации международных договоров. Исходя из возможного неверного истолкования другими субъектами международного права действий РФ как признание суверенитета иностранного государства вопреки национальным интересам или международным обязательствам.

Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 484-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море» содержит заявление о том, что деятельность РФ по реализации Соглашения «не означает признания Российской Федерацией одностороннего распространения прибрежными государствами суверенитета на акваторию Каспийского моря».

Федеральный закон от 8 октября 2000 г. № 126-ФЗ «О ратификации Конвенции между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы» содержит заявление о том, что ничто в Конвенции «не может рассматриваться как признание Российской Федерацией суверенитета Государства Израиль над территориями, оккупированными в 1967 году».

9. Юридический факт (элемент фактического состава).

Отдельно выделим группу нормативных правовых актов, определяющих суверенитет и производные данного термина в качестве элемента фактического состава (или самостоятельного юридического факта), порождающего юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение правоотношений). Так, Федеральный закон от 1 октября 2008 г. № 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» устанавливает в качестве возможного основания отказа РФ

во вступление в правоотношения по поводу частичного или полного исполнения запроса иностранного государства, «если исполнение запроса может нанести ущерб ее суверенитету или безопасности». Федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» содержит оговорку, в соответствии с которой Российская Федерация «оставляет за собой право не выдавать лиц, выдача которых может нанести ущерб ее суверенитету...».

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2023 г.) «О персональных данных» в ст. 12 устанавливает возможность прекращения или изменения правоотношений по поводу трансграничной передачи персональных данных в случае возникновения обстоятельств, реализация которых может отрицательно воздействовать на обеспечение «дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты прав, свобод и интересов граждан Российской Федерации, суверенитета, безопасности, территориальной целостности Российской Федерации и других ее интересов на международной арене». Подобное положение содержится и в отечественном процессуальном законодательстве. Это относится и к возвращению без исполнения запроса о правовой помощи, согласно ст. 457 Уголовно-процессуального (УПК) РФ, ст. 29.1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), или к судебному поручению (ст. 407 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ), а также отказу в признании и принудительном исполнении решения суда иностранного государства (ст. 473.5 УПК РФ, ст. 412 ГПК РФ), если соответствующее признание или исполнение может нанести ущерб суверенитету РФ.

Одним из смысловых нарративов использования в отечественном федеральном законодательстве терминологии, производной от слова «суверенитет», выступает отражение сущностной характеристики обстоятельств, порождающих юридические последствия. Так, Федеральный

закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» относит действие иностранных территориальных образований и организаций иностранного государства в «целях осуществления суверенной власти» к обстоятельствам, определяющим иммунитет иностранного государства и его организаций от юрисдикции РФ. Иными словами, влечет возникновение правоотношений по поводу, например, исполнения решения суда, если оказывается, что основанием этих правоотношений послужило участие иностранного государства в частноправовой сделке или, наоборот, прекращение правоотношения по иску гражданина к иностранному государству в рамках трудового спора, если выясняется, что «работник принят на работу для выполнения конкретных обязанностей по осуществлению суверенных властных полномочий иностранного государства».

Юридическим фактом, порождающим отказ в аккредитации или прекращение действия аккредитации «филиала, представительства иностранного юридического лица...», ст. 21 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» определяет угрозу суверенитета в качестве цели создания или результата деятельности таких организаций. Аналогичные положения относительно иностранной некоммерческой неправительственной организации содержат ст. 13.2 и 23.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) «О некоммерческих организациях».

Часть 21 ст. 4 Федерального закона от 5 февраля 2007 г. № 13-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает возможность изъятия ядерных установок или

ядерных материалов «для организации производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства», в случае «возникновения угрозы суверенитету, политической независимости, территориальной целостности Российской Федерации...».

10. Элемент квалификации деяния.

Объективной стороной деяния, квалифицируемого «нарушающим мир, добрый порядок или безопасность Российской Федерации», ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г.) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» определяет «угрозу силой или ее применение против суверенитета, территориальной целостности или независимости Российской Федерации».

Завершая анализ терминологических особенностей использования категории «суверенитет» в федеральном законодательстве, следует согласиться с мнением С.В. Воробьевой, указавшей на «значительные различия в содержательном аспекте суверенитета государства и его суверенных прав. Комплекс суверенных прав государства всегда имеет закрепление в законодательстве, он обладает свойствами вариативности, т.к. государство имеет возможность видоизменить систему прав и обязанностей, комплекс законодательных установлений, руководствуясь целями, задачами, государственными интересами, которые необходимо решить в данный исторический отрезок времени. При этом отсутствие или отказ от какого-то права не означает утрату суверенитета. Тем не менее, сегодня, бесспорно, суверенитет – это качественный признак любого государства, он сохраняет перечень характеристик, в которых выражена его сущностная наполняемость, в частности, выражающаяся в верховенстве и независимости» [8, с. 415]. Более того, по мнению Ю.А. Кудрявцева, «суверенитет требует сегодня самостоятельного правового регулирования. В последнее время в государственных средствах массовой информации от представителей государственно-

го аппарата можно слышать о необходимости обеспечения экономического, финансового, технологического, культурного, языкового, духовного суверенитета. Однако законодательной базы в этой сфере до сих пор не создано». В связи с этим он считает возможным и обоснованным принять в нашей стране базовый федеральный конституционный закон «О государственном суверенитете Российской Федерации», который должен закрепить основы государственной политики по укреплению независимости и верховенства государственной власти, а также гарантии обеспечения государственного суверенитета и механизмы противодействия его угрозам [10].

Таким образом, на основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Легальное восприятие дефиниции «суверенитет» не находит отражения в федеральном законодательстве. Понятия «суверенитет», «государственный суверенитет» не сформулированы нормативно, а лишь аксиоматично используются в необходимых законодательным контекстах. Это препятствует реализации принципа правовой определенности, поскольку терминологическая неопределенность рано или поздно приведет к необходимости толкования того или иного термина. Если речь идет о системообразующей терминологии, то проблема может из исключительно правоприменительной перерасти в политическую.

2. Для отражения функциональности государственного суверенитета в системе источников права подлежат юридическому закреплению, во-первых, нормы-декларации о наличии у государства суверенитета; во-вторых, регулятивные нормы, устанавливающие основные правила и параметры суверенности государства в качестве сферы деятельности государственных органов и должностных лиц; в-третьих, охранительные нормы, устанавливающие процедуры и механизмы обеспечения государственного суверенитета.

3. Положения Конституции РФ демонстрируют прежде всего абсолютизацию национального суверенитета, воз-

можность государства устанавливать от имени «многонационального народа» любую систему правового регулирования, основанную на Конституции РФ. В этом смысле в процессе терминологического определения содержания суверенитета, Конституция РФ представляет собой акт, фактически дезавуирующий любые нормы, и принятые ранее, и такие, которые могут быть приняты в будущем.

4. Использование термина «суверенитет» в федеральных законах можно структурировать, в зависимости от смысловой нагрузки, которую вкладывает законодатель при формулировании соответствующей правовой нормы.

1. Сфера отношений.
2. Цель (принятия закона, деятельности, результата деятельности).
3. Основание принятия.
4. Свойство (признак) государства.
5. Определяемое понятие и признак понятия.
6. Принцип деятельности.
7. Содержание суверенитета.
8. Оговорка.
9. Юридический факт (элемент фактического состава).
10. Элемент квалификации деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Правительстве Российской Федерации: федер. конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

2. О военном положении: федер. конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.05.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 643-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 90.

4. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользо-

ваться иностранными финансовыми инструментами: федер. закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

5. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

6. О статусе военнослужащих: федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

7. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (в ред. от 10.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.

8. *Воробьева С.В.* Актуализация исследований проблематики суверенизации современного государства как фактора стабилизации межгосударственных отношений // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 412–417.

9. *Глигич-Золотарева М.В.* Государственный суверенитет vs новый глобальный порядок // Проблема суверенности современной России: материалы Всерос. науч.-

обществ. конф. (Москва, 6 июня 2014 г.). М.: Наука и политика, 2014. С. 91–99.

10. *Кудрявцев Ю.А.* Суверенитет государства и права как «щит безопасности»: проблемы фиктивности, имитационности и пути реального обеспечения // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сб. науч. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23 марта 2023 г. / сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. СПб.: Поволжская научная корпорация, 2023. С. 405–413.

11. *Кузьмин А.В., Лигарова В.А., Леонтьева Е.О.* Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях // Theory and Practice of the Restoration of Rights. 2015. № 2(5). С. 61–70.

12. *Кузьмин А.В.* Теоретико-правовые проблемы суверенизации права в современных геополитических условиях // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 38–44.

13. *Kumm M.* Constituent Power, Cosmopolitan Constitutionalism, and Post-positivist Law // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14. № 3. P. 697–711.